

КАЛАКУТСКИЙ Андрей Вадимович —руководитель аппарата Самарской губернской думы
(kalakutsky@samgd.ru)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОТДЕЛЬНЫМ СТРАНАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. В основе исследования лежит вопрос об оценке результативности внешнеполитической деятельности Российской Федерации по отношению к странам Центральной Азии в контексте достижения стратегических установок, обозначенных в Концепциях внешней политики России в 2000–2020 гг. Анализ эволюции концептуальных установок внешнеполитического курса России в данном регионе показал, что по отношению к странам Центральной Азии Российская Федерация придерживалась единых концептуальных установок, но их практическая реализация по отношению к каждой отдельной стране имела принципиальные особенности. Исследование данных особенностей, а также факторов, их обуславливающих, позволит снизить уровень неопределенности и стохастичности в отношениях России со странами рассматриваемого региона и при разработке будущих концепций внешней политики. В итоге исследования построены две модели взаимоотношений России со странами Центральной Азии, определены типологические особенности, перспективы и риски реализации каждой из представленных моделей. Результаты исследования получены на основе анализа эмпирического материала: фактов и событий, отражающих встречи лидеров государств на высшем уровне, заключенных договоров, мероприятий в рамках договоров, совместных проектов по различным направлениям деятельности, совместных действий стран на международной арене, заявлений и реакций лидеров на отдельные события.

Ключевые слова: Центральная Азия, стратегия внешней политики России, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан, Таджикистан

Актуальность проблемы исследования. В Концепциях внешней политики России 2000–2020 гг. страны Центральной Азии представлены единым регионом, по отношению к которому определены общие факторы и цели формирования внешнеполитического курса без специфики отдельных стран. Тем не менее усиление многополярности современного мироустройства привело к дифференциации стран Центральной Азии по уровню социально-экономического развития и изменению их роли в региональном и общемировом пространстве. Формируются новые региональные центры силы, повышается интенсивность экономического взаимодействия стран Центральной Азии с соседними государствами — Китаем и Турцией. Указанные факторы требуют научно обоснованного подхода к формированию дифференцированной внешнеполитической стратегии по отношению к странам региона.

Степень изученности проблемы. В массиве исследований по проблемам внешнеполитической стратегии России в отношении стран Центральной Азии при изучении проблематики, поднятой в статье, был сделан акцент на работах, посвященных взаимоотношениям России с отдельными странами региона. Российско-казахстанские отношения, их история и особенности развития на фоне международных и внутривосточных событий затронуты в работах К. Сипаро, А.Р. Бяшарова, А.В. Мамедова [Сипаро 2023; Бяшарова 2022; Мамедов 2024]. Проблематике отношений России и Узбекистана посвящены, в частности, работы С.Т. Хамрохужаевой, Д.Б. Малышевой, А.Р. Джумаева и

Л.Р. Бургановой [Хамрохужаева 2023; Малышева 2021; Джумаев, Бурганова 2021]. Туркменистан и политика России по отношению к данному государству на настоящий момент являются наименее изученным явлением, тем не менее следует упомянуть исследования Т.В. Хрулевой и К.В. Мирзаханова [Хрулева 2016; Мирзаханов 2023]. Среди исследований, посвященных российско-таджикским отношениям, для достижения целей и задач данной статьи имели значение работы О.М. Шаропова, Г.М. Майтдиновой, И.Н. Наимова [Шаропов 2023; Майтдинова, Шаропов 2022; Наимов 2021]. Общие вопросы отношений России и Республики Кыргызстан раскрыты в исследованиях Г.А. Конгайтиевой, Н.М. Акылбекова, Б.К. Абытова [Конгайтиева 2018; Акылбеков, Сабилов 2020; Абытов, Осмонов 2023]. В указанных исследованиях раскрыты факторы, влияющие на отношения России со странами Центральной Азии, основные вехи и события, отражающие характер данных взаимоотношений, оценены результаты и перспективы дальнейшего сотрудничества. Тем не менее открытым остается вопрос о выявлении общенаучных закономерностей в оценке внешнеполитического курса Российской Федерации по отношению к странам Центральной Азии, что является непременным условием для оценки рисков, придания политике более предсказуемого характера, а также для разработки дифференцированных стратегий по отношению к различным странам Центрально-Азиатского региона.

Методология исследования. Построение типологических моделей реализации внешнеполитического курса России по отношению к отдельным странам Центральной Азии осуществлялось на базе методологического подхода, обозначенного российскими исследователями как концепция саморазвивающихся динамических социальных систем [Татаркин 2015]. В соответствии с данным методологическим подходом страны Центральной Азии были распределены по двум группам. К первой группе отнесены страны, которые в своей собственной стратегии развития выбрали курс на активизацию внутренних источников, в частности природных, экономических и человеческих ресурсов, обеспечивающих самодостаточность этих стран и в итоге — более высокий уровень суверенитета и независимости во внутренней и внешней политике. Ко второй группе отнесены страны, ориентированные преимущественно на поиск и привлечение в качестве источников собственного развития ресурсов внешних партнеров в виде прямой финансовой или военной помощи. Применение теории саморазвивающихся социальных систем к исследованию поставленной проблемы позволило выявить и дифференцировать государства Центральной Азии и сконструировать различные модели реализации общей концепции внешнеполитического курса России, оценить преимущества и риски каждой из моделей.

Результаты исследования. Анализ концептуальных установок внешней политики Российской Федерации в 2000–2020 гг. показал, что основной стратегической линией России в Центральной Азии был курс на поддержание и поощрение в государствах Центральной Азии процессов саморазвития, что являлось необходимым условием сохранения и укрепления суверенитета государства и проведения самостоятельной внутренней и внешней политики. В итоге это работало на реализацию общей концепции внешней политики России по созданию многополярного мира. Но специфика внутренней политики центральноазиатских государств и наличие двух принципиально различных указанных выше политических курсов вносило коррективы в механизмы реализации внешней политики России в рассматриваемом регионе. Сравнительный анализ механизмов и результатов внешнеполитического

курса Российской Федерации в отношении стран Центральной Азии позволил сформулировать две модели реализации концепции внешней политики России.

Первая модель реализована в отношении Казахстана, Узбекистана, Туркменистана. Главным отличительным признаком этой модели является поддержка внутренних процессов саморазвития в государствах Центральной Азии, последовательное проведение политики невмешательства во внутренние дела и внешнюю политику государств, что наиболее полно отражает общие стратегические установки России. Факторы, которые способствовали реализации данной модели, лежат во внутренних процессах, происходящих в государствах Центральной Азии. Общее, что объединяло политику названных государств, – это наличие в достаточном количестве хотя бы одного из потенциальных источников, обеспечивающих саморазвитие: природного, экономического, человеческого или культурного капитала, а также субъективная готовность лидирующей политической силы использовать эти источники в качестве ресурсов для саморазвития без привлечения внешней поддержки со стороны других государств.

Во-первых, все государства, отнесенные к данной группе, демонстрировали на постсоветском пространстве более высокий потенциал социально-экономического развития. Данный потенциал создавал главное условие для обеспечения социально-экономического развития с опорой на внутренние ресурсы. Казахстан, Туркменистан и Узбекистан на постсоветском пространстве вплоть до настоящего времени занимали первые три строчки рейтинга стран Центрально-Азиатского региона по ВВП на душу населения (9,1 тыс. долл., 7,6 тыс. долл., 1,7 тыс. долл. соответственно) [Селищева, Селищев, Чжоу Вэйди 2022].

Наиболее высокий в Центрально-Азиатском регионе потенциал для обеспечения функционирования национальной экономики имел Казахстан. После распада СССР на территории государства было сохранено значительное число предприятий советского наследия. Интенсивное поступательное развитие республики обеспечивал также достаточно высокий потенциал сырьевых, в т.ч. энергетических, ресурсов и курс правительства на интеграцию в мировое экономическое пространство, построение рыночной экономики. В 2013 г. Казахстан демонстрировал достаточно высокий уровень конкурентоспособности национальной экономики, войдя по этому показателю в топ-50 экономик мира¹. Узбекистан имеет значительные залежи золота, серебра, нефти, газа, урана. Экономика Узбекистана демонстрировала устойчивый рост в среднем на 4% в год в период с 1998 по 2003 г. В 2011 г. темпы роста экономики государства составили 9%. Туркменистан обеспечивал саморазвитие национальной экономики за счет прежде всего газовых ресурсов, также государство входит в список 10 государств – крупных производителей хлопка.

Несмотря на отнесение данных государств к одной группе в контексте предложенной классификации, между ними есть существенное отличие. Казахстан и Узбекистан проводили активные реформы, связанные с установлением рыночных отношений и интеграцией в мировую экономику и обеспечение высокого качества жизни. Туркменистан, напротив, замкнулся в собственных внутренних процессах, воспроизводя командно-административные методы в экономике, что существенно повлияло на низкие показатели

¹ The Global Competitiveness Report. – *World Economic Forum*. 09.10.2019. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2019.pdf (accessed 11.11.2025).

качества жизни населения. Тем не менее в контексте определения модели внешней политики России по отношению к данным странам более существенным признаком объединения их в одну группу стал ярко выраженный курс данных государств на саморазвитие.

Вторым фактором, обеспечившим активизацию источников саморазвития, был высокий лидерский потенциал руководителей государств, их курс на политическую самостоятельность и суверенитет. В отличие от других государств Центральной Азии, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан проводили ярко выраженную многовекторную политику с разной степенью ориентации на Россию. В большей степени российскоориентированной политики придерживался Казахстан, не упуская возможность в различные периоды установить более прочные отношения с Китаем и странами западного мира. Туркменистан занимал по отношению к России нейтральную позицию, ориентируясь на взаимодействие со странами мусульманского мира – Турцией и Ираном. Во внешней политике Узбекистана в большей степени прослеживается западный след.

Третьим значимым для обеспечения процессов саморазвития фактором была политика государств, направленная на сохранение культурных и конфессиональных традиций, которые в т.ч. проявлялись в противодействии распространению в обществе западных ценностей, что особенно характерно для Туркменистана и Казахстана. Указанная политика вела к консолидации местных сообществ, активизировала их процессы самоорганизации.

Приведенные факторы способствовали построению модели взаимоотношений России с указанными странами Центральной Азии, характерными особенностями которой являлись нижеперечисленные аспекты российской внешней политики.

1. Признание со стороны России суверенитета и самодостаточности внешней и внутренней политики, невмешательство во внутренние дела, не противодействие многосекторной политике государств. Примером может служить характер взаимоотношений между Россией и Казахстаном во время сирийского кризиса. С 2012 г. лидер Казахстана Н.А. Назарбаев усилил курс на многовекторную политику с претензией на роль медиатора международных конфликтов, создавая конкуренцию России на этом поприще. Тем не менее в решении сирийского вопроса Россия пошла на проведение мирных переговоров по Сирии в 2017 г. именно в Астане, результатом которых стало появление «Астанинской тройки» в лице России, Турции и Ирана. При достаточно ярко выраженной проамериканской политике Узбекистана, в частности его членства в ГУАМ, российское руководство нашло сферу консолидации ресурсов, где обе стороны получали выигрыш от взаимодействия. Для Узбекистана это был вопрос безопасности, который занимал приоритетное место в связи с активизацией движения «Талибан», что создавало реальную угрозу для Ташкента. В связи с этим Москва заявила о готовности оказать поддержку Узбекистану в случае террористической угрозы. Это способствовало нейтрализации отношений с тактической точки зрения и расширению взаимодействий в перспективе. В целом к 2020 г. можно было видеть поступательное развитие двусторонних отношений: в частности, Узбекистан вошел в число наблюдателей при Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС).

2. Второй признак рассматриваемой модели внешнеполитической стратегии Российской Федерации в отношении Казахстана, Узбекистана и Туркменистана логически вытекает из первого. Принципиальная позиция по

поводу невмешательства в политику государств, признание и не противодействие их многовекторной политике не исключало намерения России укрепить отношения со странами Центральной Азии, сохранить и поддержать их ориентированность на добрососедские отношения с Российской Федерацией. Это закономерно создавало ситуацию конкуренции России с другими странами за влияние в регионе, в первую очередь с США, Турцией, Китаем. Но в концепции рассматриваемой модели эта конкуренция носила преимущественно экономический характер. За последние десятилетия можно привести много примеров реализации странами Центральной Азии экономических проектов с Китаем, европейскими странами, США и Турцией. Например, в результате визита президента Казахстана Н.А. Назарбаева в ФРГ было подписано соглашение об экономическом сотрудничестве, согласно которому Астана предоставляла право немецкому бизнесу разрабатывать месторождения редкоземельных металлов с целью их дальнейшего вывоза за пределы Казахстана. Германия, в свою очередь, предоставляла Казахстану свои технологии для дальнейшей модернизации экономики¹. Ашхабад был заинтересован в построении отношений с Ираном и Азербайджаном, а также искал пути дистрибуции своих энергетических ресурсов. Туркмения приняла участие в газопроводном проекте Набукко, а также заключила соглашение с немецкой компанией *RWE AG* о транспортировке и добыче туркменского газа. Тем не менее к концу рассматриваемого периода, в 2020 г. Россия по объему торгового оборота занимала 1-е место в экспорте Узбекистана (13% общего объема экспорта) и 2-е место после Китая по доле в импорте (20%). В сфере внешней торговли Казахстана Россия в 2020 г. занимала 1-е место в импорте (36% всего объема импорта) и 3-е место в экспорте продукции после Китая и Италии (11% экспорта) [Селищева, Селищев, Чжоу Вэйди 2022]. Приведенные данные говорят о том, что в экономической сфере Россия вполне успешно конкурировала в регионе.

Третьим отличительным признаком рассматриваемой модели является построение межгосударственных взаимоотношений в экономической и культурной сфере, преимущественно в виде совместных предприятий и проектов, построенных на консолидации возможностей и ресурсов государств. В 2023 г. в интервью газете «Известия» посол РФ в Казахстане Алексей Бородавкин, оценивая результативность отношений России и Казахстана, отметил, что в настоящее время в Казахстане функционируют более 18 тыс. совместных предприятий. По этому показателю Россия занимает в Казахстане 1-е место². Россия и Казахстан реализовали несколько крупных инфраструктурных проектов, в т.ч. по газификации северо-восточных регионов Республики Казахстан, организации трансферта через территорию Казахстана российского газа в Узбекистан по трубопроводу Средняя Азия – Центр, разработке месторождений на шельфе казахстанской части Каспийского моря, созданию в Казахстане космического ракетного комплекса «Байтерек» [Джумаев, Бурганова 2021]. Результаты интеграционных экономических процессов между Россией и Узбекистаном получили воплощение в строительстве на

¹ Начался официальный визит Назарбаева в Германию. – *OTYRAR*. 07.02.2012. Доступ: <https://otyrar.kz/2012/02/nachalsya-oficialnyj-vizit-prezidenta-kazaxstana-n-nazarbaeva-v-germaniyu/> (проверено 13.11.2025).

² Логинов В. «Инвестиции из России в Казахстан превышают \$50 млрд». Посол РФ в Астане Алексей Бородавкин – о совместных проектах, западных санкциях и расчетах в нацвалютах. – *Известия*. 22.12.2023. Доступ: <https://iz.ru/1624048/valentin-loginov/investicii-iz-rossii-v-kazakhstan-prevyshaiut-50-mlrd> (проверено 11.11.2025).

территории центральноазиатского государства химико-индустриальных технопарков «Чирчик» и «Джизак»¹.

Вторая модель внешнеполитического курса России в странах Центральной Азии реализована в отношении Кыргызстана и Таджикистана. Данные государства в своей внутренней и внешней политике в большей степени ориентировались на поиск внешних ресурсов и поддержку со стороны, прежде всего России. Ниже приводятся факторы, которые повлияли на выбор данного курса развития.

1. Низкий потенциал социально-экономического развития данных территорий относительно других стран Центральной Азии, отсутствие потенциальных экономических ресурсов для разработки и использования в стратегической перспективе. Согласно статистическим данным, в 2020 г. Таджикистан занимал последнюю строчку в рейтинге стран Центральной Азии по показателю объема валового внутреннего продукта, который составлял 0,8 тыс. долл. на душу населения. Таджикистан также занимал предпоследнее место по уровню безработицы (7,5%). Более высокие показатели развития демонстрировал Кыргызстан. Тем не менее по показателю ВВП на душу населения в 2020 г. Кыргызстан опережал только Таджикистан [Селищева, Селищев, Чжоу Вэйди 2022].

2. Высокий уровень политической нестабильности. В рамках рассматриваемого периода в Кыргызстане и Таджикистане произошло несколько государственных переворотов, что не способствовало формированию высокого лидерского потенциала руководителей государства.

3. Высокий уровень террористической угрозы со стороны Афганистана, что при слабости собственного оборонительного потенциала и армии вынуждало лидеров государств обращаться за помощью к России. Особенно большое значение этот фактор имел для Таджикистана.

Названные особенности политики Кыргызстана и Таджикистана позволяют сделать вывод о низких возможностях и готовности лидеров государств активизировать внутренние источники для саморазвития. В результате Российская Федерация, не отходя от основной стратегической концепции, направленной на поддержание независимости и самостоятельности государств Центральной Азии как гарант сохранения многополярного мироустройства, вынуждена была оказывать прямую помощь данным государствам. Это повлияло на формирование особой модели внешнеполитической стратегии России.

Во-первых, характерным признаком модели являлась прямая военная помощь государствам со стороны России в виде строительства военных баз, обеспечения безопасности границ, предоставления вооружения, подготовки военных. В частности, Россия начала оказывать военную помощь Кыргызстану уже в первые годы после распада СССР и образования в Центральной Азии суверенных государств. Эта помощь заключалась в поставках военной техники, в проведении мероприятий по укреплению границы Кыргызстана. В 2019 г. между Россией и Кыргызстаном был подписан протокол, определяющий статус российских военных на территории военной базы Кыргызстана и

¹ Как сотрудничают Узбекистан и Россия – основные показатели. Доступ: <https://uz.sputniknews.ru/20231006/uzbekistan-rossiya-sotrudnichestvo-osnovnye-pokazateli-39731065.html?ysclid=lzcnhau5ke217685816> (проверено 11.11.2025).

условиях их пребывания¹. Согласно данному соглашению, Россия начинает процесс реконструкции взлетно-посадочной полосы, а также приступает к обучению киргизских коллег пользованию современным вооружением, в частности беспилотниками. Также в период с апреля по июнь 2019 г. состоялась передача Кыргызстану военной техники общей стоимостью в 770 млн руб.

Сотрудничество России и Таджикистана в военной сфере также началось в конце 1990-х гг.: в 1997 г. между государствами было заключено Соглашение о главном военном советнике при министре обороны Таджикистана². В 2014 г. была разработана Программа совместной модернизации Вооруженных сил Таджикистана. В рамках упомянутого соглашения Российская Федерация предоставляла Таджикистану безвозмездную помощь в виде средств связи, вооружения и амуниции, авиационной техники, артиллерии и зенитно-ракетных установок на сумму около 1,23 млрд долл. США. В 2015 г. российские военные специалисты начинают обучать таджикских офицеров, что говорит о том, что на данном этапе отношения между государствами переросли в союзнические.

Второй особенностью данной модели отношений со странами Центральной Азии являлась финансовая поддержка в виде выгодных кредитов, списания государственных долгов, прямой финансовой помощи, прямых инвестиций в национальную экономику. В 2009 г. в период кризиса киргизской экономики Российская Федерация предоставила Кыргызстану кредит в размере 300 млн долл. на 40 лет под 0,75% годовых и безвозмездную помощь в объеме 150 млн долл. В 2014 г. Газпром выкупил 100% акций компании «Кыргызгаз» за символическую сумму в 1 долл. в обмен на обязательство выплаты по долгам Кыргызгаза в 40 млн долл. В 1993 г. Россия обязалась оказывать помощь Таджикистану в освоении углеводородных месторождений с целью решения его энергетических проблем³.

Третьей выявленной нами особенностью реализации второй модели отношений со странами Центральной Азии является большая роль России в решении внутривосточных конфликтов в странах Центральной Азии в качестве медиатора. В частности, Россия выступала одним из главных медиаторов по примирению сторон во внутривосточном конфликте в Таджикистане в конце 1990-х гг. В Москве были проведены два раунда межтаджикских переговоров, а также один раунд консультаций правительства РТ и Объединенной таджикской оппозиции. 23 декабря 1996 г. в Москве было подписано соглашение президента РТ и руководителя Объединенной таджикской оппозиции.

В-четвертых, конкурентные преимущества России с другими государствами, в частности с Турцией и США, за влияние на данной территории обеспечивались не в рамках экономических проектов и действий, а путем

¹ Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой по вопросам совместного планирования применения войск (сил) в интересах обеспечения совместной безопасности Российской Федерации и Киргизской Республики. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901909980>; Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/44567/ (проверено 11.11.2025).

² Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о главном военном советнике при Министре обороны Республики Таджикистан. Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901779314> (проверено 11.11.2025).

³ Республика Таджикистан. – *МИД России*. Доступ: <https://www.mid.ru/ru/maps/tj/?currentpage=main> (проверено 11.11.2025).

очередных уступок по долгам и прямой финансовой помощи. В качестве примера подобных отношений можно привести события 2011–2012 гг., когда Кыргызстан усилил курс на многовекторную политику в сторону Турции и США. В связи с этим Россия пошла навстречу в вопросах реструктуризации долговых обязательств Бишкека перед Москвой. Данные долговые обязательства возвращали Бишкек на путь сотрудничества с Россией.

В 2001 г. президент Таджикистана Акаев заявил о готовности предоставить аэропорт «Манас» в пользование войскам НАТО на время проведения военных действий против терроризма. Данное событие должно было привести к серьезному ухудшению отношений между государствами, однако Москва достаточно спокойно восприняла данный факт. Связано это с тем, что Бишкек оставался добросовестным членом ДКБ и не предпринимал попыток подорвать сотрудничество в области безопасности с Россией. Подобная добросовестность не оставляла сомнений в выбранном Москвой курсе на развитие отношений, результатом чего стало подписание лидерами стран Соглашения о сотрудничестве России и Киргизии в области безопасности, а также передача российским Вооруженным силам аэродрома Кант. В 2009 г. заявление президента Медведева о недопустимости проведения серьезных гидротехнических работ без согласования с соседними странами (что было прямым намеком на Рогунскую ГЭС) вызвало негативную реакцию Душанбе, тем самым минимизируя вероятность соглашения между странами по данному вопросу. В ответ на это Россия отказалась выдать Таджикистану кредит по киргизскому примеру в ходе визита Эмомали Рахмона в 2010 г.

Выводы. Внешняя политика Российской Федерации в конце XX – начале XXI в. в отношении стран Центральной Азии была реализована в соответствии с основной концепцией, направленной на стратегическую цель формирования многополярного мира, что предполагало построение на постсоветском пространстве сильных суверенных самостоятельных государств. Но воплощение данной политики по отношению к отдельным государствам Центральной Азии корректировалось в зависимости от внутренних возможностей и субъективной готовности вновь образованных после распада СССР государств активизировать собственные источники саморазвития, что являлось неременным условием реализации основной стратегической линии России.

На уровень интеграционных экономических процессов России и стран Центральной Азии в большей степени влияли не формальные связи в рамках Евразийского союза, а модель внешней стратегии. Модель, основанная на поддержке источников саморазвития, создавала больший потенциал для взаимодействия, чем модель, основанная на прямой помощи со стороны России. Первые строчки рейтинга во внешнеторговых отношениях России занимают Казахстан (член ЕАЭС) и Узбекистан (не член ЕАЭС), в отношении которых реализована классическая модель внешней политики России, направленная на поддержку процессов саморазвития данных государств и на консолидацию совместных ресурсов. Последние строчки рейтинга занимают Кыргызстан (член ЕАЭС) и Таджикистан (не член ЕАЭС) – страны, в отношении которых Россия проводила политику активной внешней политической и экономической прямой помощи [Шаропов 2023].

Сохранение государств Центральной Азии в орбите экономических и внешнеполитических интересов России предполагало конкуренцию с другими государствами, претендующими на лидерство в регионе. Итогом этой конкуренции явилась в целом позитивная динамика отношений со всеми странами региона, сохранение дружественных, партнерских или нейтраль-

ных отношений независимо от модели внешней политики России. Однако механизмы поддержания этих конкурентных преимуществ, в основе которых лежали рыночные экономические отношения, характерные для первой модели, давали в стратегическом плане бóльший эффект и способствовали стабилизации отношений на долгосрочный период.

Список литературы

Абытов Б.К., Осмонов С.М. 2023. История и историография в развитии кыргызско-российского сотрудничества в начале XXI века. — *Бюллетень науки и практики*. Т. 9. № 10. С. 326–334.

Акылбеков Н.М., Сабиров Р.С. 2020. Межгосударственные отношения Кыргызстана и России в начале XXI века. — *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. № 12. С. 177–181.

Бяшарова А.Р. 2022. Внешняя торговля России и Казахстана и роль внешне-торговой политики в ЕАЭС. — *Большое евразийское партнерство: стратегия и тактика: материалы российской научно-практической конференции с международным участием и ежегодного круглого стола студентов и аспирантов*. М. С. 34–38.

Джумаев А.Р., Бурганова Л.Р. 2021. Современное состояние и перспективы развития отношений России и Узбекистана. — *Актуальные вопросы современной науки и практики: сборник научных статей по материалам V Международной научно-практической конференции*. Уфа. С. 319–322.

Конгайтиева Г.А. 2018. Взаимоотношения Кыргызстана с Российской Федерацией. — *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. № 2. С. 222–225.

Майтдинова Г.М., Шаропов О.М. 2022. Таджикиско-российские отношения в условиях становления государственности (1991–2010). — *Постсоветские исследования*. Т. 5. № 1. С. 18–29.

Малышева Д.Б. 2021. Партнерство России и Узбекистана. — *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. № 2(28). С. 121–131.

Мамедов А.В. 2024. Внешняя политика Казахстана: уточняя приоритеты. — *Вестник Российского университета дружбы народов*. Сер. Политология. Т. 26. № 1. С. 121–130.

Мирзаханов К.В. 2023. Эволюция взаимоотношений Туркменистана и России в постсоветский период. — *История: электронный научно-образовательный журнал*. Т. 14. № 4(126).

Наимов И.Н. 2021. Республика Таджикистан: проблемы и факторы развития стратегического партнерства. — *Стратегические ориентиры развития Центральной Азии: история, тренды и перспективы: сборник научных статей международного научно-образовательного форума*. Екатеринбург. Изд-во УрГПУ. С. 114–120.

Селищева Т. А., Селищев А. С., Чжоу Вэйди. 2022. Экономические взаимосвязи стран — членов ЕАЭС со странами Центральной Азии. — *Проблемы современной экономики*. № 2(82). С. 15–20.

Сипаро К. 2023. Перспективы сотрудничества России и Казахстана в условиях многовекторной внешней политики республики. — *Общество и экономика*. № 4. С. 105–113.

Татаркин А. И. 2015. Теоретическая основа института саморазвития социально-экономических систем. — *Urbi et orbi* (под общ. ред. Р.С. Гринберга, А. Я. Рубинштейна). В 4 т. Т. 4. *Институты современной экономики* (под ред. А.Е. Городецкого). СПб: Алетей. С. 87–159.

Хамрохужаева С.Т. 2023. Основные направления и перспективы развития экономических отношений России и Узбекистана. — *Актуальные проблемы международных отношений и зарубежного регионоведения: сборник статей международной научно-практической конференции молодых исследователей*. Нижний Новгород. С. 56-59.

Хрулева Т.В. 2016. Влияние российско-туркменских отношений на становление нейтралитета Туркменистана. — *Клио*. № 3(111). С. 156-164.

Шаропов О.М. 2023. Основные предпосылки и факторы сотрудничества республики Таджикистан и Российской Федерации на современном этапе. — *Вестник Таджикского национального университета*. Серия социально-экономических и общественных наук. № 1. С. 299-307.

KALAKUTSKY Andrey Vadimovich, *Chief of the Staff of the Samara Regional Duma (kalakutsky@samgd.ru)*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF RUSSIA'S FOREIGN POLICY STRATEGY IN RELATION TO INDIVIDUAL CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Abstract. *The research is based on the question of assessing the effectiveness of the Russian Federation's foreign policy towards the Central Asian countries in the context of achieving the strategic guidelines outlined in the Concepts of Russia's foreign policy in 2000–2020. The analysis of the evolution of conceptual guidelines of Russia's foreign policy course in this region has shown that in relation to the countries of Central Asia, the Russian Federation adhered to unified conceptual guidelines, but their practical implementation in relation to each individual country had fundamental peculiarities. The study of these peculiarities, as well as the factors causing them, will help to reduce the level of uncertainty and stochasticity in Russia's relations with the countries of the region under consideration when developing future foreign policy concepts. The aim of the study is to identify the regularities of the realization of the Russian Federation's foreign policy strategy in relation to each of the countries of the Central Asian Region. As a result of the study, two models of Russia's relations with the countries of Central Asia were constructed, typological features, prospects and risks of realization of each of the presented models were determined. The results of the study were obtained on the basis of the analysis of empirical material: facts and events reflecting meetings of the leaders of the states at the highest level, concluded treaties, events within the framework of treaties, joint projects in various areas of activity, joint actions of the countries in the international arena, statements and reactions of the leaders on individual events.*

Keywords: *Central Asia, Russian foreign policy strategy, Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Kyrgyzstan, Tajikistan*
